Изъ записокъ борзятника.

Петро-Зубъ *).

— Вотъ что, баринъ, сядемъ на коней: да поѣдемъ вонъ на тотъ курганъ. Я ни одного кургана въ степи не пропущу... Взъѣдешь на него, особливо если курганъ изъ высокихъ, вся степь у тебя подъ ногами, всю ее, матушку, съ высоты поосмотришь и облюбуешь: — куда, молъ, теперь двигаться? Тамъ ковыль, тамъ бурьяны, тамъ полынокъ, а вонъ тамъ мелкіе кусточки дикаго персика, а дальше еще и цѣлинная пахоть чернѣетъ. Облюбуешь мѣсто и трогай. Да и глядѣть съ кургана весело, такъ вотъ и кажется, что все кругомъ, куда глазъ кинешь, все твое... Ну, другой разъ съ кургана и разглядишь что-нибудь пользительное.

Взобрались мы на довольно высокій курганъ и вокругъ насъ раскрылась необъятная степь, кое-гдѣ волнистая и мѣстами пересѣкаемая неглубокими ложбинами.

Какъ вкопанный, стоялъ Петръ на курганѣ, и усы его развивались по вѣтру; глаза зорко устремились въ даль.

— Эхъ и степь же хороша! Люблю я это мѣсто! Ишь вонъ за балочкой какое стадо дрохвъ... А звѣремъ такъ и пахнетъ... Стойте! А вѣдь я лису вижу...

— Гдѣ?

— А вонъ далеко впереди, видите, среди ковыля кусточекъ небольшой? Тамъ и лежитъ, вижу...

И онъ мнѣ показалъ мѣсто почти въ верстѣ отъ насъ.

— Я ничего не вижу; можетъ, тебѣ кажется только?

*) См. іюнь.

— Гмъ, можетъ и кажется, а можетъ и вправду лисица. Дѣловъ не много, а мастерить надо, хоть можетъ быть и ошибемся. Только тутъ надо дѣло тонко дѣлать.

— Прямо съ кургана спускаться ни-ни, нельзя. Мы повернемъ назадъ и спустимся съ кургана той стороной, что въѣхали. За курганомъ я возьму собакъ на свору и кружнѣе заѣду въ эту лощину вправо и по ней буду подаваться. А вы, баринъ, поѣзжайте налѣво, да только, какъ можно кружнѣе, какъ-будто совсѣмъ прочь, а какъ поровняетесь съ тѣми кустиками, что я вамъ показалъ, такъ и наближайтесь къ нимъ; только наровите такъ, какъ-будто все мимо ѣдете. А на меня не смотрите. Я проберусь лощиной и, глядя по дѣлу, буду самъ мастерить.

Разъѣхались. Какъ - то быстро Петро - Зубъ совсѣмъ скрылся въ лощинѣ. Я поѣхалъ шагомъ влѣво и забралъ далеко; но любопытство меня разбирало и я все поглядывалъ на лощину, въ которой скрылся Петръ. Но ничего не видѣлъ. Раза два мнѣ показалось, что мелькнула одна шапка Петра, по и только.

Вотъ окольнымъ путемъ я уже поравнялся съ тѣми кустами, что указывалъ Петръ. Не торопясь, какъ-будто объѣзжая кустики, повернулъ я къ нимъ.

Вдругъ шагахъ въ двухстахъ отъ меня что - то шевельнулось въ кустикахъ и здоровенная лиса уже катила, распустивъ трубу, къ виднѣвшимся не вдалекѣ тернамъ.

Я ахнулъ, не видя Петра и заулюлюкалъ, невольно выпустивъ своего Сѣраго. Но въ тотъ же мигъ изъ лощины выскочилъ на Ворономъ Петръ и пустилъ свою свору въ поперекъ лисѣ. Оба кобеля жадно приспѣли къ лисѣ и послѣ двухъ-трехъ угонокъ Похвалъ потащилъ звѣря.

— А изъ васъ, баринъ, для наѣздки, ей Богу, баринъ, будетъ толкъ.—Хвалилъ меня Петро-Зубъ.—И помяните мое слово, коли останетесь жить въ имѣніи, заведете себѣ борзыхъ. Вижу ужъ я хорошо. Ну, а теперь, баринъ, надо и конямъ и собачкамъ, да и намъ отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Поле выдалось хорошее. Вонъ стожокъ виденъ, туда и поѣдемъ. Лошадки сѣно пожуютъ, собаки отлежатся и мы перекусимъ маленько.

— Отлично, а кстати и выпьемъ за хорошее поле. А вотъ и бодрилку захватилъ съ собой,—и я вытащилъ изъ кармана довольно объемистую флягу.

— О! вотъ это кстати! Закусочку-то Прасковья Ивановна въ сумку насовала всякую, а вотъ этого матеріала въ домѣ не оказалось. А вотъ хорошій охотникъ и догадался.

Подошли къ стогу. Разнуздали коней и стали подъ стогомъ закусывать.

— Ну! Съ началомъ поздравляю васъ, баринъ!—сказалъ Петръ, принимая стаканчикъ водки. Помяните мое слово—заядлымъ борзятникомъ будете, по глазамъ вижу.

Я замѣтилъ, когда Петръ закусывалъ, что у него совершенно не было переднихъ зубовъ на верхней челюсти.

— Что, баринъ? Смотрите, видно, что у меня зубовъ нѣтъ? Такъ я вамъ скажу, что все это черезъ охоту и черезъ это я сталъ борзятникомъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ разскажу. Былъ я крѣпостнымъ мальчишкою Михаила Лукича Василенко, вотъ что хуторъ возлѣ его болота. Василенко былъ панокъ небогатый, а охоту крѣпко любилъ; всегда было у него штукъ шесть гончихъ, да столько же и борзыхъ, значитъ, на двѣ своры. Только, что же это были за гончія!

Вѣрите ли, что большущія болота, вродѣ Лашкаревскаго, гдѣ нонѣшнія гончія стаи штукъ въ шестнадцать едва работаютъ, Василенко бралъ своими пятью-шестью гончими. И гоняли жъ! Не вызовешь. Я былъ лѣтъ 14—15. Заставляли, бывало барановъ пасти. Вотъ пасу я барановъ, хожу по степи, а вдругъ русакъ выскочитъ изъ-подъ ногъ. Я, бывало, ажъ затрясусь весь; бѣгу за нимъ, гирлыгой въ него швыряю. Ну, понятно, толку мало. Давай, думаю, заведу себѣ борзую. Потому, шляясь по степи съ баранами, часто видѣлъ барина съ борзыми. Ежели травили, такъ у меня ажно духъ захватывало. А то, бывало, къ бугру подгонишь стадо и смотришь, какъ это гончихъ въ болото запускаютъ и какъ это травятъ борзыми лисъ.

„Укралась какъ-то Василенковская борзая сучка и при-

вела щенковъ-ублюдковъ, а Василенко велѣлъ ихъ всѣхъ потопить. А я одного кобелька и укралъ. Просто таки укралъ. И пряталъ же я его и, Боже мой, какъ! Выросъ у меня въ хатѣ около овечьихъ загоновъ кобелекъ и никто этого не доглядѣлъ. А какъ стало ему мѣсяцевъ 8—9, я и давай его брать съ собой на веревочкѣ въ степь, когда барановъ, бывало, пасъ. Выскочитъ русакъ, я травлю; только мой кривоногій ублюдокъ не доходитъ звѣря, ну! думаю, молодъ еще, да и не вымахался! И все таскаю его съ собою, да таскаю. Только разъ побудилъ я русачка, да маленькій и молоденькій попался, а мой кривоногій и поймалъ его!.. Глядь, ѣдетъ на бѣгункахъ въ степь Василенко...

— Ты что же дѣлаешь? Ахъ ты такой сякой!

Охотиться вздумалъ! завелъ себѣ паршивца. А бараны вонъ какъ разбрелись.

Задалъ онъ мнѣ хорошую встрепку, а вечеромъ приказчикъ отобралъ у меня моего кривоногаго щенка, да тутъ же на вербѣ и повѣсилъ.

А тутъ осень настала, а у Василенко не было доѣзжачаго къ гончимъ. Призвалъ онъ меня. Прихожу. Стоитъ тутъ и приказчикъ.

— Ну, вотъ ты все охотникомъ хотѣлъ быть. Будешь ты у меня за доѣзжачаго къ гончимъ. Дерть будешь варить для всѣхъ собакъ, всѣхъ кормить и за всѣми смотрѣть, а на охотѣ будешь ѣздить за доѣзжачаго.

— Покорно, молъ, благодарны—баринъ. Только не повернете ли вы меня въ борзятники? Будьте милостивы!.. И хлопъ передъ нимъ на колѣни.

— А хочешь, вотъ сейчасъ на конюшнѣ отдеру?

А самъ трубочку куритъ.

— Иди, сейчасъ прими собакъ и дѣлай, что тебѣ приказано. Мнѣ нуженъ доѣзжачій, вотъ и будешь доѣзжачимъ.

Плакалъ я, плакалъ, что въ борзятники никакъ не попаду, а дѣлать нечего. Извѣстно—крѣпостной!

Наступило время охоты. Сомкнулъ я стаю, сѣлъ на коня, повѣсили мнѣ рогъ черезъ плечо, а я и трубить почти совсѣмъ не умѣю. Брали мы въ первый разъ наше

же Василенковское болото. На вѣкъ осталось оно мнѣ памятно!.. Запустилъ я гончихъ, почти что не порскалъ, а только камышами подвигался за стаей. Вдругъ погнали да и жарко! Скоро,—слышу я,—самъ Василенко заулюкалъ. Забылъ я про гончихъ, повернулъ своего коня, да и вонъ изъ болота — смотрѣть травлю. Выскочилъ совсѣмъ изъ болота и смотрю, какъ Михаила Лукича свора уже несетъ на угонкахъ лисицу и вижу Василенко уже торочитъ.

Смотрю, дальше на бугрѣ стоитъ со сворою сынокъ Михаила Лукича, только на него ничего не выходитъ. А гончія, подлыя, слышу, ведутъ уже на другую перемычку къ Рышковскимъ камышамъ. А перемычка та узкая и травить на ней невозможно и, если бывалъ кто изъ ружейниковъ,—занималъ тамъ лазъ. А если ружейниковъ нѣтъ, то доѣзжачій долженъ былъ стеречь это мѣсто и отхлопывать отъ перемычки звѣря. Такъ мнѣ наказывалъ Василенко. Я сейчасъ на перемычку маршъ-маршъ! Куда тамъ! Всѣ уже гончія перевалили за бугоръ и гнали далеко въ Рышковскомъ болотѣ. Сталъ я трубить въ рогъ. Плохъ я былъ на счетъ этого, а тутъ и совсѣмъ ничего не выходитъ. Да и собаки не такія были, чтобы ихъ со слѣда сбить. А я трублю, знай, и съ коня слѣзъ.

Смотрю, самъ Василенко скачетъ прямо ко мнѣ.

— Ахъ ты, сукинъ-сынъ!.. Пр...ъ лисицу! Какъ ты смѣлъ выскакать изъ острова, чтобы травлю смотрѣть! Я жъ тебѣ приказалъ беречь перемычку, а вотъ лисица и пролѣзла! Да не труби, мерзавецъ! Все равно, собакъ не вернешь, онѣ уже версты за 4 — въ Рышковскомъ гоняютъ. Ахъ, скотина! Всю охоту испакостилъ. Не труби, говорятъ тебѣ! и сейчасъ бацъ меня въ ухо.

— Я жъ говорилъ, что не выйдетъ изъ меня доѣзжачаго.

— Выйдетъ, сукинъ - сынъ! Вотъ я тебя научу! — И сталъ онъ меня лупить и арапникомъ, и кулаками! Свалилъ на землю, да каблукомъ меня въ морду... кровь пошла... а зубы передніе, чувствую,—зашатались.

— Теперь, говоритъ, на всю ночь собаки пропали, скачи, собирай собакъ въ Рашковскомъ. Убью, если не приведешь собакъ.

Я скорѣй на коня. Лопачу на немъ лугомъ къ Рышковскому болоту! Вотъ тебѣ и разъ! какъ лупилъ меня Василенко, оборвалась на мнѣ труба...

Какъ же я вызову собакъ? А самъ, знай, скачу, боюсь, опять догонитъ,—бить начнетъ. Глядь, а за мной вся свора, три собаки, Василенкова увязались. Какъ онъ меня лупилъ, растерялъ ихъ со своры, а какъ я поскакалъ, онѣ и увязались за мной. Только что я поравнялся съ Рышковскими болотами, а тамъ гонъ идетъ и Боже какой! Оба кобеля сейчасъ на гонъ въ камыши махнули; осталась при мнѣ одна сука. А ужъ совсѣмъ смерклось. Что тутъ, думаю, дѣлать? Слѣзъ съ коня, взялъ сучку на арапникъ, потому своры у меня не было. Думаю себѣ: хоть эту задержу. Отъѣхалъ я къ вербамъ подъ горой, да и стою—думаю: будь, что будетъ! Опять себѣ думаю: ужъ скорѣй же сюда выйдетъ лисица, чѣмъ на ту сторону, потому тамъ деревня. Сижу на конѣ, плачу. Потрогалъ пальцами переднія зубы; шатаются здорово, Богъ съ ними... Слышу — гончія будто завернули въ мою сторону. А уже здорово сумеречно... Глядь, — что-то мелькнуло изъ Рышковскаго. Думаю, показалось такъ... Вдругъ изъ острова вынырнула одна гончая, другая... да на то мѣсто, гдѣ мнѣ показалось что-то мелькнуло... Батюшки! Залились! А тутъ и остальныя вывалились, да валятъ въ мою сторону. Я вижу, что на меня дуетъ лисица, а онѣ за ней уже по зрячему. Вотъ ужъ близко лиса, а я про сучку, что у меня на арапникѣ и забылъ... а она какъ взвизгнетъ! Я и спустилъ ее. Пошла моя сучка навстрѣчу лисѣ, а той ужъ дѣваться некуда, потому, что гончія насѣли сзади, да и кабели на гонъ вывалили изъ камыша.

Я смотрю на суку. Родименькая! Разъ, два—и покатилась съ лисой. Принялъ я лису, второчилъ и ужъ радъ же былъ! Сосчиталъ собакъ; всѣ шесть гончихъ и три борзыя тутъ. Ну, думаю, сегодня, пожалуй, уже бить и не будутъ. Собаки отъ коня уже не идутъ. Сѣлъ я и поѣхалъ въ хуторъ Васильченкова.

Уже совсѣмъ темно стало, какъ я пріѣхалъ.

Пошелъ прямо къ барину. Сидитъ за чаемъ злой-презлой.

— Ну, привелъ собакъ?

— Всѣ здѣсь и гончія и ваша свора... А въ передней лиса...

— Въ какой передней? Какая лиса? Ты, кажется, въ умѣ повихнулся?

— Положимъ, отъ такой лупки можно повихнуться, а только лисица здѣсь...

Принесъ лисицу, показалъ.

— Вѣрно гончія заловили?

— Нѣтъ, говорю, это я вашей сучкой затравилъ.

Сталъ я ему все разсказывать, какъ было, а какъ началъ говорить, какъ ловила сучка, такъ все позабылъ. Самъ трясусь, а у Васильченко, вижу, уже совсѣмъ другое лицо. Смотритъ на меня и слушаетъ. Глазами въ меня уперся и такъ меня и ѣстъ ими. Да вдругъ и говоритъ:

— Ты хоть кровь оботри на губахъ; а то говоришь, а кровь течетъ. Дать ему водки.

— Я водки еще не пью.

— И не пей, дуракъ, а ты хорошенько прополощи зубы!

Ну, малость унялась кровь. Пошелъ я въ хату. Все на мнѣ болитъ, а пуще всего передніе зубы. Поправился понемногу, а только зубы больше да больше расшатывались.

А какъ поправился—вышелъ мнѣ приказъ: быть мнѣ въ борзятникахъ. И Боже ты мой! Свѣта Божьяго не взвидѣлъ я отъ радости. Наконецъ-то въ борзятники пожаловали!..

И сталъ я борзятникомъ. А передніе зубы все-таки выпали...

Сталъ я ѣздить съ борзыми у Васильченко, а тутъ скоро и воля вышла. Васильченко былъ панокъ небольшой; какъ отняли крестьянъ, совсѣмъ ему стало плохо. Охоты ему не хотѣлось бросить, а охотника нанять не на что.

Надо вѣдь жалованье платить, а деньжатъ у него совсѣмъ мало. Я-то былъ изъ дворовыхъ, надѣла не полагалось. Да мало и думалъ объ этомъ.

Ѣзжу себѣ съ борзыми, да ѣзжу. Гончихъ Васильченко

куда-то сбылъ, а себѣ оставилъ, пока что, трехъ—четырехъ борзыхъ. Съ ними я и ѣздилъ. Стали меня сманивать господа, которые побогаче, а мнѣ жалко бросать своего стараго пана. Онъ мнѣ и жалованья не платилъ,—нечѣмъ было.

— Да и дуракъ же ты, Петрушка,—говорилъ онъ бывало;—ну, чего стараешься? Чего не поступишь къ кому-нибудь на жалованье? Вѣдь мнѣ скоро и собакъ кормить нечѣмъ будетъ, а жалованья отъ меня такъ никогда и не дождешься. Да и зубы я тебѣ выбилъ... развѣ уже забылъ?..

А я все же не отхожу отъ него. И привыкъ-то я къ нему, въ хуторѣ его родился, да и къ собакамъ его привыкъ, какъ къ роднымъ дѣтямъ...

Однако, собаки понемногу передохли. Тутъ я и ушелъ. Поступилъ къ одному помѣщику, къ другому, у многихъ побывалъ. Успѣлъ я и жениться. Наконецъ, поступилъ къ Ивану Дмитріевичу, да и живу у него припѣваючи. Жалованье получаю, положимъ, не ахти сколько, всего 80 рублей въ годъ, зато ужъ отсыпного, муки тамъ, крупы, пшена и всего другого получаю довольно. Опять же двѣ коровы и лѣто и зиму ходятъ на панскомъ корму, а прошлый годъ, угодилъ я имъ осенью, позволили они мнѣ на ярмаркѣ купить пару бычковъ и я ихъ выкормилъ. Заплатилъ-то я за нихъ 40 руб., а черезъ годъ продалъ за 85 руб., значитъ, расчетъ. Ну, спасибо Ивану Дмитріевичу, не препятствуетъ и подсвинковъ выкармливать... Живу хорошо, что и говорить. Эхъ, сударь, да и заговорился я съ вами, а ѣхать-то домой пора. Отвалили мы отъ дома порядкомъ, а время уже далеко за-полдень. Ну, засаживайтесь! Мы вѣдь забрались такъ, что вертаться намъ нужно черезъ вашу степь и усадьбу, а, можетъ, и на вашей степи еще потравимъ.

Но потравить больше ничего не удалось. Подъѣхавъ къ нашей усадьбѣ, я слѣзъ съ коня, передавъ его Петру. Выскочила горничная встрѣчать меня.

— Слышь, барышня,—началъ Петръ, отвязывая русака, — снеси это вашей старой барынѣ. Скажи, Сергѣй Александровичъ затравили.

— Ну, ужъ, коли такъ, Петръ Филипповичъ, мнѣ тоже надо чѣмъ-нибудь отблагодарить; да и не за зайца собственно, а за удовольствіе. Возьми, братъ, себѣ на память мою охотничью фляжку. Вотъ она. Прямо изъ Варшавы со мной пріѣхала.

Глазки Петра засіяли отъ удовольствія.

— Вотъ спасибо, такъ спасибо, баринъ; это точно что память навѣки! Этакой штучки и у самаго Ивана Дмитріевича нѣтъ! Боже, какъ же я ее беречь буду... Даже повѣшу ее рядомъ съ „Шведкою“! Вотъ что!

Поѣздилъ я въ ту осень съ охотой Ивана Дмитріевича, поѣздилъ и вдвоемъ съ Петромъ Филипповичемъ. Много было интересныхъ эпизодовъ охоты и въ особенности ѣзды Петра Филипповича. Всегда ѣзда его отличалась беззавѣтной удалью, мастерствомъ и необычайной сметкой. Эти качества его наполнили мое охотничье сердце большой къ нему симпатіей.

Но что болѣе всего поражало меня въ этомъ простомъ, наемномъ борзятникѣ—это совершенно спортсменское отношеніе къ своему дѣлу. Все, что на охотничьемъ языкѣ называется „шкурятничествомъ“, не только совершенно было чуждо Петру, но вызывало въ немъ непомѣрное отвращеніе и открытое порицаніе, если онъ замѣчалъ это въ другихъ, хотя бы даже и въ охотникахъ-господахъ. Да, это былъ идеальный борзятникъ и несомнѣнный спортсменъ. Онъ не любилъ простой травли ради добычи, нѣтъ, онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ старался достигнуть цѣли мастерствомъ, зачастую выкидывая какой-нибудь охотничій фокусъ, очевидно, разсчитывая на эффектъ. Много доставлялъ онъ удовольствія.

Однако наступила зима и я переѣхалъ въ Харьковъ, предаваться развлеченіямъ зимняго сезона.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Фонъ-Дерфельденъ.